

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

Иоанн Креститель. Посвящение Иисуса на мессианское служение

Главы 3 и 4

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ. 3:1–12 (Мк. 1:1–8; Лк. 3:1–18)

1 В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской **2** и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. **3** Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему. **4** Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были акриды и дикий мёд. **5** Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему **6** и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

7 Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к крещению, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? **8** Сотворите же достойный плод покаяния **9** и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. **10** Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. **11** Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнём; **12** лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберёт пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнем неугасимым.

(1) Матфей делает большой, на тридцать лет, шаг вперёд и переносит читателя ко времени расцвета деятельности Предтечи Христа и к началу мессианского служения Его Самого. Отсюда видно, насколько широким и гибким у евангелиста может быть

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

выражение «в те дни». Здесь оно завершает тот период, начало которого было описано в предыдущих строках, — время, когда Иисус в Назарете возрастал от Младенца до Мужа.

Кто такой Иоанн Креститель, было хорошо известно христианам-иудеям, первым слушателям Евангелия. Поэтому Матфей ограничивается только названием этого имени, без дальнейших разъяснений. Место деятельности Иоанна обозначено как «пустыня Иудейская» не вполне точно. Обычно под Иудейской пустыней понимают только безлюдные места между гребнем Иудейских гор и Мёртвым морем. Между тем Иоанн в это время (ст. 5) находился в области нижнего Иордана: это была не песчаная пустыня, а степная местность, очень редконаселённая, но всё же пригодная для пастбищ. Впрочем, поскольку Иоанн часто менял своё местопребывание (ср. Ин. 3:23), такое обобщающее выражение вполне оправданно.

Матфей — мастер краткого, но выразительного рассказа. Как в других местах, так и здесь он умеет немногими штрихами сначала передать суть проповеди Иоанна, затем в общих чертах изобразить саму личность Крестителя, а потом представить одну из его речей, сказанную по особому случаю. В результате в этих двенадцати стихах перед нами предстаёт весь Иоанн — живой и цельный.

(2) «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Таково содержание его проповеди. Собственно, греческое слово «покайтесь» (μετανοεῖτε) означает «перемените ум» — измените всё своё мышление и устремление воли, весь свой внутренний строй. Без этого внешние дела покаяния останутся только пустой формой.

Основание для такого всецелого внутреннего обращения было более чем достаточным: «Приблизилось (то есть уже стоит на пороге) Царство Небесное». Для нас, христиан, эти слова звучат утешительно. Но слушатели Иоанна Крестителя воспринимали их иначе. «Царство Небесное» для них не означало ещё собственно «небо», вечную блаженную небесную жизнь. «Царством Небесным» было для них наступление полного владычества Божия, которое издавна возвещали пророки. Его мощное вторжение в земные царства некогда видел во сне царь Навуходоносор: камень оторвался от горы без содействия человеческих рук и, ударив, сокрушил величественного истукана, у которого голова была из золота, грудь и руки — из серебра, чрево — из меди, ноги — из железа, а ступни — частью из железа, частью из глины. Этот истукан был образом земных держав. Затем камень стал великой горой и наполнил всю землю (Дан. 2:31 и далее). Так владычество Божие сойдёт свыше и начнётся со страшного, уничтожающего суда — не только над язычниками, но и над всеми непокорными израильтянами. Поскольку пророки видят будущее без временной

перспективы, без точного соотношения времён (об этом подробнее будет сказано ниже, в комментарии к главе 24), пророческий язык соединяет этот суд, который окончательно совершится только при втором пришествии Мессии как Судии мира, уже с Его первым пришествием как Искупителя.

И сам Иоанн, и все его слушатели целиком живут в таком понимании. Поэтому «приближение Царства Небесного» для них — нечто грозное и страшное, от чего можно спастись только покаянием. Но и для нас проповедь Иоанна сохраняет всю свою силу. Кто хочет быть христианином не только по имени, но и по сути, тот и сегодня не может обойтись без глубокой перемены ума и без решительного обращения к Богу всего своего внутреннего существа — своего сердца, которое по падшей природе снова и снова тянется к миру сему и к своему «я».

(3) В этом проповеднике покаяния, явившемся в пустыне, вполне естественно было узнать вестника Божия, о котором пророчествовал Исаия. Приведённые Матфеем слова стоят в начале второй части книги Исаии (Ис. 40:3), где пророк возвещает народу, находящемуся в изгнании, избавление и возвращение на родину. Путь обратно в Иерусалим проходил через великую Аравийскую пустыню — и Исаия слышит голос, призывающий приготовить в этой пустыне путь Богу: скоро придёт Сам Господь, чтобы этим путём вернуть Свой народ домой.

Но освобождение Израиля из Вавилонского пленения само было лишь прообразом возвращения к Богу всех искупленных из плена греха. Поэтому Матфей справедливо видит полное исполнение этого пророчества только теперь. И сама пустыня представляет собой точный образ грехов и препятствий, которыми человек заграждает Богу путь к своему сердцу. Поэтому призыв приготовить Ему путь обращён как к Израилю, так и к каждому человеку. Если хочешь, чтобы Бог пришёл к тебе, освободи для Него место в себе.

(4) Внешний облик и образ жизни Иоанна вполне соответствовали его проповеди. На нём была не верблюжья шкура, как это любят изображать художники, а обычный плащ, сотканный из верблюжьего волоса — грубой ткани, какую носили бедные; и кожаный пояс работников-простолюдинов. Возможно, выражение «имел одежду из верблюжьего волоса» указывает и на то, что на нём было вообще лишь одно одеяние — только плащ или накидка, без хитона. Хитон — это узкая нижняя рубаха с короткими рукавами, доходившая ниже колен; у людей более состоятельных она была обычной частью одежды. Наконец, «власяница» характеризовала Иоанна и как пророка (ср. 4 Цар. 1:8). Соответственной была и его пища: акриды и дикий мёд. Дикий мёд означает здесь не мёд с непривычных, не домашних растений — например,

финиковый или виноградный, — а мёд диких пчёл, который они откладывали в расселинах скал или в дуплах деревьев. Акриды, то есть саранчу, и теперь ещё едят в Палестине бедные люди. Весной, во время налётов саранчи, её можно ловить в огромных количествах. Обычно её засаливали. Иногда её сбрызгивали вином, чтобы придать кушанью более привлекательный вид. Но ели и сушёную или жареную саранчу; до сих пор в тех местах она служит пищей. Её едят либо как есть, либо размалывают и выпекают из неё нечто вроде хлеба.

(5) Какое впечатление производил этот необыкновенный человек и его проповедь, видно по результату: со всей Иудеи — по-видимому, пределами Иудеи его деятельность и ограничивалась — к нему стекались толпы людей и крестились, исповедуя свои грехи.

Тогдашнее политически и религиозно напряжённое время было особенно благоприятно для появления такого пророка. Незадолго до смерти Ирода римский император распорядился провести в Сирийской провинции имущественную перепись для установления налогов; она была осуществлена и в Иудее. Эта перепись резко высветила реальное подчинение иудейского народа Риму, несмотря на внешний блеск Иродова царства, и вызвала страшное озлобление. После смерти Ирода, последовавшей вскоре после начала переписи, кровавые беспорядки в Иудее удалось предотвратить только благодаря влиянию первосвященника Иоазара. В Галилее же под руководством так называемого Иуды Галилеянина дело дошло до открытого мятежа, который был подавлен римскими войсками. Но ненависть продолжала тлеть в народе. Оставшиеся в живых вожди галилейского мятежа создали новую партию — зилотов, или ревнителей. При частично открытой, частично скрытой поддержке фарисеев они стремились свергнуть римлян и восстановить самостоятельное теократическое царство. Какой дух господствовал в этой партии, лучше всего видно из того, что около 30 года из неё выросла партия сика́риев — то есть «кинжальщиков», или тайных убийц. Их страшная деятельность состояла в том, что во время больших праздников и иных народных собраний они, скрываясь в толпе, вероломно убивали знатных соотечественников, которых подозревали в добрых отношениях с римлянами.

После того как император отправил в ссылку Архелая, сына Ирода и правителя Иудеи и Самарии, властвовавшего всего десять лет, и поставил римского наместника, конец иудейской самостоятельности получил и формальное закрепление. Впрочем, осторожные римляне обращались с маленьким иудейским народом с большей сдержанностью и осмотрительностью, чем с другими, более крупными народами, скажем, с египтянами. Первосвященников утверждал римский наместник, и их

старались менять как можно чаще. Но сам институт первосвященства сохранялся, и за ним по-прежнему оставалась высшая судебная власть, за исключением вынесения смертных приговоров.

Однако такое сосуществование национальной и иноземной власти становилось постоянным источником трений и столкновений. Обычный израильтянин — от знатного человека до самого простого — на каждом шагу ощущал, что настоящая власть принадлежит Риму. Сама римская монета с изображением императора, бывшая средством расчётов, была для иудеев мерзостью; ещё тяжелее было видеть римских солдат на всех улицах и площадях. Особую ненависть вызывали мытари — сборщики налогов в пользу Рима, которые, получив свои должности на условиях откупа, безжалостно выжимали из народа всё, что можно.

Несмотря на внешне уважительное отношение к национально-религиозному чувству иудеев, римляне ненавидели этот, по выражению Тацита, «отвратительный народ», тем более что одни только иудеи не хотели вливаться в римско-греческую культуру, охватывавшую тогда всю эйкумену². Для Рима, гордого покорителя мира, это было почти вызовом. Даже египтяне признавали его богов и отождествляли их со своими древними божествами, а этот маленький народ именно теперь, после своего политического поражения, ещё твёрже исповедовал своего Яхве как единого Бога неба и земли, тогда как Юпитера и весь его пантеон объявлял идолами и «ничтожествами». С другой стороны, для израильтян было совершенно невыносимо, что почитатели Яхве должны подчиняться власти слугителей идолов — ведь это бесчестие в конечном счёте падало на Самого их Бога. Так национальная ненависть и горечь личного угнетения сливались с ревностью о чести Божией.

Но всегда бывает так: когда политико-национальные цели смешиваются с религиозными, национальная ревность разгорается мощно, подпитываемая религиозными чувствами, — и в то же время свет самой религии помрачается и её пламя клонится к земле. Такова была обстановка во времена Христа. Народ толпами стекался в пустыню, чтобы услышать Иоанна Крестителя, этого необычного аскета, который уже давно умолкшим языком древних пророков возвещал близкое пришествие Того Сильнейшего, Кто совершит суд гнева над всеми врагами Божиими и освободит Израиль. Но когда вскоре Сам этот Сильнейший пришёл и захотел освободить народ — не от налогов, повинностей и чужеземного владычества, а от его собственных грехов, — тот же самый народ пришёл в ярость и пригвоздил Его ко кресту. История

² Эйкумена (οἰκουμένη) — все известные древним грекам и римлянам населённые земли со всем их разнообразием этносов и культур.

всегда учит одному: кто хочет сохранить религию чистой, тот должен тщательно оберегать её от всякого смешения с целями и идеями мира сего, какими бы возвышенными и оправданными они ни казались.

(6) «И крестились от него в Иордане». Иоанн не изобрёл крещения. Оно уже давно применялось при переходе язычников в иудейство и при этом имело даже большее значение, чем обрезание. Обратившегося, после того как ему напоминали о серьёзности предпринимаемого шага, два или три ученика раввинов приводили к воде. Когда вода уже покрывала нижнюю часть его тела, ему подробно разъясняли основные заповеди и их обязательность. Если он твёрдо держался своего решения, он должен был погрузиться так, чтобы вода покрыла всё его тело. Теперь он во всех отношениях становился израильтянином.

Примерно так следует представлять себе и крещение Иоанново. Но было одно большое различие. Крещение прозелитов, возникновение которого объясняется многочисленными омовениями, предписанными законом, как и сами эти омовения, были только обрядом для восстановления культовой чистоты. Культово нечистым делало человека многое: прикосновение к мёртвому телу, половые истечения и тому подобное; тем более — язычество, из которого обращался прозелит. Крещение же Иоанново имело гораздо более глубокое религиозно-нравственное значение: через него человек признавал свою внутреннюю греховность и необходимость духовно-нравственного очищения, которого не мог достигнуть собственными силами. Поэтому само это крещение уже было исповеданием грехов. Возможно, оно сопровождалось и устным исповеданием грехов, как это вообще было принято у иудеев, хотя чаще всего лишь в очень общих формулах.

(7) Вполне естественно, что среди приходивших к Иоанну оказалось и много фарисеев и саддукеев. Это были две самые влиятельные политико-религиозные партии тогдашнего Израиля. Они возникли вследствие внутренних политических и религиозных противоречий, сложившихся после смерти Александра Македонского в 323 году до Р. Х., когда маленький Израиль оказался предметом соперничества между сирийскими Селевкидами на севере и египетскими Птолемеями на юге. Одна часть иудеев, особенно ревнители Закона и отеческого предания, в этих условиях тем упорнее держалась народной самобытности и религии, окружая постановления Закона целой оградой толкований и человеческих преданий, которые порой оказывались весомее самого Закона, и объявляла всякую чужеземную культуру идолослужением. Другая часть народа, особенно из высших слоёв, напротив, считала единственно разумной политикой возможно большее приспособление к греческой мировой

культуре, признавала обязательным только буквальный текст самого Закона и в религиозных воззрениях тоже старалась как можно больше приблизиться к духу времени.

Из первых возникла многочисленная и влиятельная в народе партия фарисеев, то есть «отделившихся». Они строго отделяли себя не только от всякого общения с язычниками, но всё больше и от «простого народа», который они настолько же глубоко презирали, насколько умело им управляли и снисходительно принимали его смиренное почитание. Фарисеев не следует смешивать с книжниками, хотя их обычно небезосновательно ставят рядом. Книжники были собственно учёными толкователями Закона, получившими образование в раввинских школах. Большинство же фарисеев составляли те, которые жили в точности по этому толкованию и в том же духе влияли на простой народ. Поэтому это была в самом строгом смысле консервативная партия — как политически, так и религиозно.

Противоположность ей составляла либеральная партия саддукеев, названная так по имени Садóка, которого Соломон поставил первосвященником вместо низложенного им Авиафáра и в роду которого первосвященство оставалось до середины II века до Р. Х. К этой партии принадлежали главным образом знатные священники. Она выросла из второго из названных выше направлений, и потому в отношении Закона была не только менее строгой и более свободной, чем фарисеи, но и в вопросах веры отличалась весьма рационалистическим духом. Так, саддукеи отрицали воскресение мёртвых и вообще всякое личное продолжение жизни после смерти, причём старались обосновать свой рационализм достаточно поверхностными доказательствами. Партия саддукеев была значительно менее многочисленной и менее популярной в народе, чем партия фарисеев. Но она пополнялась представителями самых знатных кругов, состоявших также в родственных и дружеских отношениях с царским домом Ирода. Так, третья жена Ирода Великого была дочерью или внучкой Бозта, которого Ирод поставил первосвященником и который, по крайней мере по иудейскому преданию, также принадлежал к этой партии.

Само собой разумеется, что эти две партии недолюбливали друг друга. Впрочем, это, как нередко бывает, не помешало им объединиться, когда возникло дело против Христа.

Из обеих этих партий многие тоже пришли к Иордану. Характерно, что Матфей говорит о них не так, как позднее об Иисусе: не «они пришли креститься», но «они пришли к крещению». Не внутреннее покаянное расположение побудило их — их, господ, — войти в воду, как простой народ, и склониться перед человеком в одежде из

верблюжьего волоса. Отчасти это было любопытство, смешанное с подозрительностью к проповеднику, который приобрёл такое влияние на людей. Отчасти же им нельзя было оставаться совсем в стороне от такого всеобщего движения, если они не хотели войти в противостояние с народом. Возможно, тревожило их — хотя вряд ли они признавались себе в этом — и содержание самой проповеди: «Царство Божие уже у дверей».

И вот они стоят, смотрят и слушают — так и теперь во время особенно серьёзной проповеди или духовного наставления можно видеть в церкви людей со скучающими, пресыщенными лицами. Иоанн говорит с фарисеями и саддукеями соответственно. Страх в нём нет — это видно из его слов. Вместо того чтобы искать их благосклонности, он предпочитает возвещать правду без прикрас. Он — перефразируя — говорит им: **(8)** «Если то, что вы слышите и видите, хоть как-то трогает вас, тогда сделайте из этого выводы. Покажите перемену вашего внутреннего устройства соответствующими делами и не дайте тому, что, быть может, начинает пробиваться в вас, заглухнуть от вашей ложной самоуверенности. И не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”». Заслуги Авраама пользовались у иудеев величайшим почитанием, как это видно из множества изречений Талмуда. И хотя это не было догматом, господствующему на практике представлению вполне соответствовал упрёк, который св. Иустин Мученик около 150 года обращал к иудеям: «Ваши учителя полагают, что тем, кто по плоти происходит от семени Авраамова, будет дано вечное царство, даже если они грешники и неверующие». А равви́ Нахман около 400 года говорил: «Все дурные дела и всю ложь, какие израильтяне совершают в этом мире, отец наш Авраам способен искупить». Но перед Богом, Который смотрит на личный внутренний строй человека, не имеют силы никакие внешние, родовые привилегии. Из этих безжизненных камней, лежащих вокруг в пустыне, Он может воздвигнуть детей Аврааму. Так мало значит плотское происхождение.

После обличения фарисеев и саддукеев проповедь Крестителя сама собой обращается и ко всему остальному народу, стоящему вокруг, чтобы ясно показать ему неотложность покаяния. **(10)** «Уже и секира при корне дерев лежит. Суд близок. Правда, он совершится не через меня. Я могу крестить только водой, которая оmyвает тело. **(11)** Но идёт Сильнейший, у Которого я недостойн развязать ремень обуви», то есть исполнить даже самое низкое рабское служение. В одном месте Талмуда сказано: «Все работы, которые раб делает для своего господина, ученик должен делать для своего учителя, кроме развязывания обуви». Предтеча считает себя недостойным даже этого. **(12)** Он продолжает: «Грядущий имеет власть коснуться самой глубины

человека — либо Своим Духом, Который творит из него нового человека, либо пожирающим огнём, который его сожигает». Именно об этом двойном действии суда и говорит здесь Иоанн — проповедник суда. По-разному совершается этот суд над теми, кто открыт для благодати, и над теми, кто ожесточён против неё. Ту же мысль он повторяет в другом образе, хорошо знакомом его слушателям. Когда зерно уже вымолочено под копытами волов или под молотильными санями — большой деревянной доской, снизу усаженной твёрдыми острыми камнями, — его подбрасывают веялом навстречу ветру, каждый вечер дующему со стороны западного побережья. Лёгкая мякина улетает, зерно падает на землю. Так и Тот Сильнейший тщательно «очистит гумно Своё». Одних Он соберёт в небесную житницу, других предаст неугасимому огню.

Иоанн выражается здесь образно и в полном соответствии с тем, как Ветхий Завет говорит о великом мировом суде. Характерно то, что ветхозаветные Писания все эти властные действия Судии относят к Самому Богу, — но у Иоанна их совершает грядущий «Сильный». Это «Его» пшеница и «Его» житница. Значит, Он больше, чем просто человек.

Суровый человек этот Иоанн, который «не ест и не пьёт», как Сам Господь говорит о нём (Мф. 11:18): во власяной одежде, в дикой местности у берега мутно текущего Иордана, близ Мёртвого моря, где некогда Содом и Гоморра погибли в огне и сере. Лишь внушающие ужас образы из Ветхого Завета он представляет своим слушателям. Он и должен был быть таким — как проповедник покаяния для большинства людей, души которых ожесточены и закрыты для Бога. Только гром и молния божественного гнева ещё способны всколыхнуть их замутнённое и окаменевшее сердце и побудить их к «перемене ума», к изменению всего ложного направления жизни.

Но, слава Богу, среди этого большинства всегда есть и другие: люди, которые, при всей своей немощи, всё же ищут Бога. Об этом свидетельствует их молитва, идущая из глубины души, их ежедневная борьба и самопожертвование. Да, и они тоже могут впадать в грехи — но, несмотря на это, они не «грешники» в библейском смысле. Общее направление их жизни обращено к Богу. Только немощь то и дело сбивает их с прямого пути то вправо, то влево. Им не нужно вновь «обращаться». И им совсем не полезно снова и снова быть сокрушаемыми громом проповеди о суде и покаянии. Это только смутит их и лишит мужества, а робких среди них может и вовсе выбить из колеи. Им нужен не страх, чтобы обратиться, а мужество, чтобы вернее идти вперёд. Впрочем, у Иоанна Крестителя едва ли было много таких слушателей. И задача его

была строго очерчена: приготовить путь приближающемуся Мессии. Как все люди, которые всегда остаются только людьми, он был сосредоточен на своём суровом круге идей. И в этой односторонности была его сила.

Сильнейший, Который пришёл после него, нёс на челе не меньшую серьёзность. Только эта серьёзность была смягчена сиянием Божественной любви. Поэтому Он мог не только сокрушать, но вместе с тем и воздвигать. В этом Он был совсем иным, чем Его Предтеча (см. гл. 11).

До сих пор Иоанн ещё не знал Его (Ин. 1:33). Матери обоих, по-видимому, сохранили свою тайну (Лк. 1:39 и далее), пока Святой Дух Сам её не открыл. А Иоанну Он дал только один знак: *на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нём, Тот есть крестящий Духом Святым* (Ин. 1:33). И вот Сильнейший уже идёт, чтобы явиться и открыть Себя.